

Легендарный танцовщик Рудольф Нуриев был яркой, противоречивой и, как теперь модно говорить, харизматической личностью. В этом убеждает статья из журнала "Харперз энд Квин", опубликованная

еще при жизни Нуриева, в 1986 году.

"Первобытный молодой творец, полуобнаженный, с дикими глазами на экзотическом, уступающем лице, с легкими шелковистыми волосами, стремительно летящий по направлению к рампе..."

Нуриев никогда не позволял забывать, что он - звезда. Марлен Дитрих пересняла его фотографию и носила ее, как святыню, в надежде получить автограф. Ольга Спесивцева, сама обессмертившая свое имя в балете, стояла в очереди среди других фанатов за дверью театра: пожилая леди, ожидающая мгновения, чтобы просто взглянуть на него.

"Рудимания" достигла наибольшего накала в Нью-Йорке, когда Нуриев танцевал с Марго Фонтейн* и труппой лондонского Королевского Балета. Для охраны Нуриева от истерических поклонников приходилось вызывать полицию. Фанаты стояли в очереди за билетами четыре дня и ночи, ночуя в спальнях мешках в туннеле автодороги над Линкольн-центром.

Именно Нуриев создал огромную аудиторию нового поколения поклонников балета. Непокоримый на других танцоров, он жил с таким же напряжением, как и работал: приемы, клубы, вечеринки, пирушки далеко за полночь...

Один актер вспоминает, как ему пришлось в два часа ночи мертвецки пьяного Нуриева "паковать", как тару, чтобы засунуть на заднее сиденье автомобиля, умоляя водителя быть снисходительным: "Отвезите этого человека домой. Это самый знаменитый танцовщик мира!"

Это была темная сторона жизни Нуриева - дикие выходки, приводящие друзей в отчаяние. Таких историй о его дурном поведении legion: пьяные оскорбления в ресторанах, разбитые тарелки в

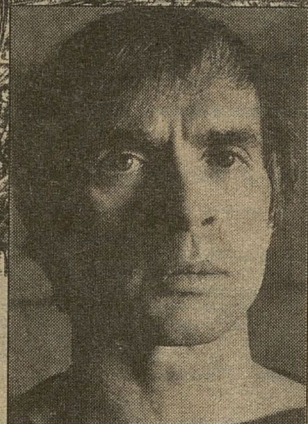
кафе с криком: "Нуриев не занимается самообслуживанием!". В работе эта чувственная сторона натуры Нуриева выражалась иначе: обостренной страстностью, которая так контрастировала с возвышенной чистотой танца Марго Фонтейн.

Марго Фонтейн была чтима не только как балерина, но и как член королевской фамилии. И лишь один Нуриев мог позволить себе быть грубым с ней. Люди, наблюдавшие его поведение, негодовали, но Фонтейн отвечала без всякой заносчивости: "Сегодня он был вполне управляем".

Одним из источников нечеловеческой энергии Нуриева принято считать секс, по словам друзей, "важнейшую часть его существования, одну из его движущих сил". Направленность нуриевского сексуального темперамента, пожалуй, ближе всего имиджу Сатира. И как и Сатиром, им обладали многие. Он мог быть веселым до непристойности, жадным до розыгрышей. Так, участник Истер-ланч-пати вспоминает, что пока каждый из гостей был занят разрисовыванием виньеток и цветочков на пасхальных яйцах, Нуриев соорудил яйцо, на котором был огромный фаллос, исчезающий в заду щуплого кролика. "Это и абсолютный богохульник, и абсолютный святой", - заявила Виолет Верди, уже сошедшая со сцены французская балерина и его друг. - В нем был аппетит ко всем сторонам жизни, и он никак не был чужд суетности мира. Но когда приходило время танца, он становился иным: это была его святость, его вера, его чистота. Этот мир был сравним с красотой распускающегося цветка".

Когда Нуриеву было 48, он все еще танцевал. Казалось, он не собирается расставаться с танцем, хотя за три года до этого принял предложение, более подходящее танцовщику его возраста, - стать директором Балета Парижской Оперы. Впервые в начале шестидесятых он подписал долгосрочный контракт с английским Королевским Балетом и более 20 лет оставался странствующей суперзвездой, танцая и ставя балеты по всему миру (в среднем у него выходило 250 представлений в год - такого в истории балета еще не было!).

Нуриев не позволял себе заболеть, не позволял иметь травмы, не позволял увеличить свой вес - все это сохраняло его для сцены. "Многие понятия не имеют о том, под каким строжайшим конвоем самодисциплины держал себя Нуриев, - заметила однажды балерина Королевского Балета Моника Масон. - Помню, однажды сказала ему, что не могу вернуться к некоторым своим ролям из-за травмы. Рудольф взглянул на меня и сказал: "Это лишь значит, что ты не так уж хочешь танцевать..."

Рудольф НУРИЕВ

Он женился на своей профессии

Мендель - 1994 - февраль (№ 6) - с. 9

Возраст танцовщика можно сравнить с возрастом собаки: 35 для него - это эквивалент 65 для обычного человека. Барышников, хотя и моложе Нуриева на 10 лет, уже давно исследовал все альтернативы своей недолговечной профессии. И как-то обронил: "Рудольф и я - очень разные люди. Он человек театра на все 200 процентов. Я - нет. Рудольф любит выступления ради выступлений и готов выступать сколько угодно. Меня же это не очень заботит".

Нуриев говорил, что прекратит танцевать, когда публика перестанет ходить на него. Хитрец, он знал, что этого никогда не случится. Американцы оказались наиболее безжалостны: "Чрезвычайно патетическое зрелище наблюдать этого человека, бросающего себя в опустошительное сражение, которое он не в состоянии выиграть", - писал критик о гастрольях Нуриева еще в 1984 году. Однако в последние годы можно было подумать, что Нуриев просто недосагаем для критики, особенно в Париже, где он жил на набережной Вольтера с идилическим видом на Сену и Лувр. Этот особняк стал для него чем-то вроде гавани, и нетрудно

сказать, почему. Будничней завтрак: консом, превосходный бифштекс, чай с лимоном - это приносит Мендель, его повар и слуга. На мраморном столике в комнате, увешанной живописью XIX столетия, - сцены, изображающие томных полуобнаженных юношей.

Несмотря на четырехполосное движение вдоль набережной Сены, внутри апартаментов тишина, стены задрапированы парчой в орнаментальном стиле православных русских церквей. Золотой неоготический фриз в комнате для рисования был специально создан по его заказу. Предметы искусства, антиквариат из личной коллекции Нуриева. Он всегда был довольно известной фигурой в среде антикваров.

Его стиль - одежда в духе 60-х: блестящие брюки, ботинки на кубинских каблучках, свитер грубой вязки с вырезом "поло". Таков облик зрелого Нуриева. Он проводит все больше и больше времени в одиночестве, играя на фортепиано или коротая утренние часы за чтением. Много занимаясь самообразованием, Нуриев верит в его "освобождающую" силу. Одному из друзей он сказал:

"Знание - единственная вещь, которая всегда при вас. Вы можете быть лишены своей родины, гражданства, друзей, ваших владений, но никто не может лишить вас ваших знаний". Нуриев весьма чтит Флобера - с тех пор, как еще в России впервые прочел "Мадам Бовари". В его библиотеке собрана настоящая "флобериана", и он часто перечитывает переписку Флобера и Тургенева, к которой относится достаточно критически: "Претенциозно. Неприятно. Фальшиво". Его радует, когда он обнаруживает непристойные стороны в творчестве Флобера. "Секс имел для Флобера освобождающий смысл. И для меня это тоже так. Это свобода". Колоритные картины Египта, описанные Флобером в его письмах, как считает Нуриев, совпадают с его собственным опытом. Он говорит, что именно путешествия помогли ему создать самого себя.

Нуриев как собиратель книг - гениален. Разумеется, он уже не столь алчен к культуре, как это было прежде (однажды он горячо убеждал своего влиятельного друга Жакоба Ротшильда открыть ему Национальную Галерею среди ночи).

К числу серьезных увлечений Нуриева относится видео. Сотни видеокассеты валяются повсюду: в кабинете орехового дерева, в столовой, еще груды - в запасной комнате.

Он выходит в Париж только тогда, когда это действительно необходимо. "С возрастом приходит одно: вы учитесь жить с самим собой. Вы самоуглубляетесь, погружаетесь в чтение, вы создаете реальность без постоянного диалога с внешним миром". Нуриев мог бы стать затворником, но он не затворник.

Друзья часто заходят навестить его: Джей Германн - директор Метрополитен Опера - на Рождество, Марго Фонтейн - в ее очередную поездку в Париж. Его ближайший друг - Мод Гослинг, очаровательная леди 79 лет. Когда Нуриев приезжает в Лондон, то всегда останавливается у Мод, хотя у него есть свой собственный дом в Ричмонде. Мод в прошлом - прима-балерина, она и ее муж Нигел, умерший в 1982 году, писали критические статьи о балете для "Обсервер". Они были первыми друзьями Нуриева в Лондоне вместе с Фонтейн и Фредериком Астером. Человек огромной культуры, Нигел Гослинг был интеллектуальным "гуру" Нуриева, подобно тому как Иосиф Бродский был "гуру" Барышникова.

Нуриев всерьез "женился" на своей профессии. Некогда в прошлом у него были интенсивные отношения с датским танцором Эриком Бруком, они жили вместе в Лондоне и Копенгагене, но союз двух больших звезд был обречен. Помимо неизбежного соперничества между ними (до появления Нуриева на балетном небосклоне Брук считался наиболее знаменитым танцором в мире), дополнительное напряжение создавал гастрольный график, который всегда разлучал их.

У Рудольфа было лишь несколько действительно долгих союзов. Обычно он кого-то содержал за свой счет, что привлекало людей не лучшего типа. И все-таки наиболее дружеские и теплые отношения в жизни Нуриева были с женщинами.

Одно из объяснений, почему Нуриев был окружен таким количеством безумно любящих женщин, состоит в том, что многие из них желали бы быть ему чем-то вроде приемных матерей, создавая для него дом там, где ему приходилось жить. (После поездки в Китай он получил письмо от женщины, которая подписалась: "Ваша китайская мама"). Одна из них приняла решение всецело посвятить себя Нуриеву - это Дос Франко, стилист из Чили, которая добровольно отдала ему тринадцать лет жизни. Если, например, Нуриев среди ночи нужен был аспирином, Дос могла прочесть весь Париж, но достать лекарство из-под зе-

мли. Но... "Рудольфу не нравится быть эпицентром чьей-либо жизни, - говорит Тесс Кеннеди, лондонский дизайнер по интерьеру, которая часто бывает в его компании. - Он должен быть свободным. И его лучшие друзья знают это. Множество женщин по глупости одержимы им, очень ревную друг к другу, а это Рудольф ненавидит".

"Вкус к богатству - это другая сторона его чувственности", - говорит принцесса Фирья, сводная сестра короля Хуссейна, которая была знакома с Нуриевым более 10 лет и звала его просто Ну-Ну. Принцесса Фирья принадлежит к тому, что называют "богатой оправой" Рудольфа, его изысканной "группой поддержки".

Люди, близкие к Нуриеву, относятся к двум категориям: те, кто, условно говоря, отшлифовывал его (такие, как критик Нигел Гослинг, дизайнер Николас Георгиади, который ввел его в мир живописи), и те, кто просто желал пройти "семестры" нуриевской дружбы. Условия попадания в круг Нуриева были во многом одинаковыми для мужчин и для женщин: быть приближенным к нему означало суметь адаптироваться к его жизни, не претендуя на слишком многое.

Стабильное окружение Нуриева можно назвать тесно сплоченной семьей. Эта семья матриархальна, ее возглавляют Мод Гослинг и Александра Стюарт. Мод Гослинг превзошла всех в неистовоимой поддержке его премьер и спектаклей. Стюарт, прибыв в Лондон летом 1985 года, семь раз подряд смотрела "Лебединое озеро" с Нуриевым. В прошлые годы эти дамы устанавливали очередность в опеке над ним, защищая от критических нападков и говоря ему то, что он хотел бы услышать.

Нуриев мог бы быть процветающим директором труппы, оставив карьеру звезды балета. Однако работать в Парижской Опере - нелегкое дело. Со времен Сержа Лифаря - последнего великого директора этого театра (он покинул пост в 1956 году) на этом месте побывало уже семь различных директоров.

За это время атмосфера в театре пропиталась бюрократизацией и интригами. Балет стал косным иерархическим организмом, как казенная служба. Танцоры были вынуждены ждать, пока до них дойдет очередь, что не способствовало вдохновению.

Отношения Нуриева с труппой были очень тяжелыми, тем более, что сам он старался танцевать до конца, и это далеко не всех устраивало.

Возможно, публика скажет, вспоминай его: он танцевал слишком долго. Но запомнится то, что это был художник, а не копиист.

Жюли КАВАНА.

Перевела Наталья НАЛИЧАЕВА.

* Выдающаяся английская балерина, многолетняя партнерша Нуриева. - Прим. ред.